

Издания О. Н. Поповой.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„НОВОЕ СЛОВО“

Второй годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ 10 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к.; безъ пересылки на годъ 9 р., съ перес. за границу на годъ 12 р. Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются на прочіихъ изд. О. Н. Поповой даровой пересылкой и уступкой въ 10%, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленія конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, „Библиотека Черкессова“. Москва: книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея петербургское отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію, и изданій, выходящихъ по подпискѣ. Каталогъ изданій по требованію высылается бесплатно.

Редакторъ А. Н. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ

ФРИТІОФЪ НАНСЕНЪ

„ВО ШРАКЪ НОЧИ И ВО ЛЬДАХЪ“.

Путешествіе норвежской экспедиціи на корабль „Фрамъ“ къ сѣверному полюсу.

Полный перев. со шведскаго М. ВЕЧЕСЛОВА подъ ред. Н. БЕРЕЗИНА.

Изданіе будетъ выходить выпусками (до 15), которые составятъ около 45 листовъ текста, съ приложеніемъ 2-хъ картъ и около 200 рисунковъ.

Подписная цѣна на все изданіе 3 руб. безъ пересылки; съ пересылкой 4 р. 50 к.

При пересылкѣ наложеннымъ платежемъ почта взимаетъ 10 к. за каждый наложенный платежъ.

Подписка принимается: въ конторѣ изданій (СПБ., Невскій, 54, библиотека Черкессова) и въ ея отдѣленіи (СПБ., Спасская, 15, редакція журнала „Новое Слово“); въ Москвѣ—книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, д. Спиридонова.

НАРОДНАЯ И ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

W 468
69
810-83
643-9
НА КРАЙ СВѢТА

КАСТРЮКЪ.

РАЗСКАЗЫ.

Ив. Бунинъ.

Цѣна 10 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.

1897.

Дозвол. ценз. Сиб., 19 Декабря 1896 г.

Ф13918-35

НА КРАЙ СВѢТА.

I.

То, что такъ долго всѣхъ волновало и тревожило, наконецъ, разрѣшилось: «Великій Перевозъ» опустѣлъ; сразу опустѣлъ на половину.

Много бѣлыхъ и голубыхъ хатъ осиротѣло въ этотъ лѣтній вечеръ. Много народу на вѣкъ покинуло родимое село — его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгонъ, гдѣ такъ весело въ солнечное воскресное утро, когда кругомъ стоитъ оживленный говоръ, гудитъ бранью и спорами корчма, выкрикиваютъ торговки, поютъ нищіе, пиликаетъ скрипка, меланхолично жужжитъ тихой музыкой лира, а важные воны, прикрывая отъ солнца глаза, сонно жуютъ сѣно подъ эти нестройные звуки; покинуло разноцвѣтные огороды и густыя верболозы съ матово-блѣдной, длинной листвою надъ «криницею», при спускѣ къ затону рѣки, гдѣ въ тихіе вечера въ водѣ что-то стонетъ—глухо и однотонно, словно дуетъ въ пустую бочку; навсегда покинуло родину—«стенъ веселий и широкій»—для далекихъ Уссурийскихъ земель и ушло на край свѣта!..

Когда на село, расположенное въ долинѣ, легла

и. буинъ.

широкая, прохладная тѣнь отъ горы, закрывающей западъ, а въ долинѣ—дальше, къ горизонту—все зарумянилось отблескомъ заката, зардѣлись рощи, вспыхнули алымъ глянцемъ изгибы рѣки и за рѣкой, какъ золото, засверкали равнины песковъ, на селѣ прекратилась суматоха—скрипъ телѣгъ, торопливый, отрывистый говоръ, шумный беспорядокъ послѣднихъ сборовъ,—и народъ, пестрѣющій нарядами, надѣтыми на этотъ грустный праздникъ, собрался на зеленую леваду, къ бѣлой, старинной церковкѣ, гдѣ молились еще казаки и чумаки передъ своими далекими походами.

Тамъ, подъ открытымъ небомъ, между нагруженныхъ телѣгъ, въ многолюдной толпѣ, какъ передъ ярмаркой, начался молебенъ. Но теперь въ толпѣ стояла мертвая тишина. Голосъ священника звучалъ внятно и раздѣльно, и каждое слово молитвы скорбно проникало до глубины cadaго сердца...

Много слезъ упало на этомъ мѣстѣ и въ былые дни. Также молча стояли здѣсь когда-то снаряженные въ далекій путь «лыцари». Они тоже прощались, какъ передъ кончиной, и съ дѣтьми, и съ женами, и не въ одномъ сердцѣ заранѣе звучала тогда величаво-грустная «дума» о томъ, «якъ на Чорному морю, на білому камені сидить ясенъ сокілъ—білозірець, жалібненько квилить проквиляе, на святое небо, на Чорное море спільна поглядае, що на святому небі, на Чорному морю не гараздъ починае»... Многихъ изъ нихъ ожидали «кайданы турецькіі, каторга бусурманьская», и «сиви туманы» въ дорогѣ, поодинокая смерть подъ стелнымъ курганомъ, и стаи

орловъ сизокрылыхъ, что будутъ «на чорній кудри наступати, зъ лоба очи козацькіі видирати»... Но тогда были и другія мечты и надежды, и гордая казацкая воля. Тогда это были «лыцари». А теперь стоитъ сѣрая толпа, забитая нуждою, которую навсегда выгоняетъ на край свѣта не прихоть казацкая, а будничная, горькая бѣдность, эти желтые пески, что сверкають за рѣкою. «Степъ веселій» достался не тому, кто выросъ на немъ и споконъ вѣку любилъ и прославлялъ его въ пѣснѣ и въ думѣ... И какъ на великой панихидѣ, заказанной по самомъ себѣ, грустно стоялъ народъ на молебнѣ съ поникшими, обнаженными головами. Только ласточки звонко щебетали надъ ними, проносясь и утопая въ вечернемъ воздухѣ, въ голубомъ, глубокомъ небѣ.

А потомъ снова подвигались воли...

И среди смутнаго гортаннаго говора, нестройнаго плача и криковъ двинулся этотъ странный, словно похоронный обозъ по дорогѣ въ гору. Въ послѣдній разъ показался «Великій Перевозъ» въ родной долинѣ—и скрылся... И самъ обозъ скрылся, наконецъ, за хлѣбами, въ поляхъ, въ блескѣ низкаго вечерняго солнца...

«Великій Перевозъ» опустѣлъ...

II.

Но говоръ и плачь еще не затихли совсѣмъ. Провожавшіе возвращались домой.

Взволнованный народъ толпами валилъ подъ гору, къ хатамъ. Были и такіе, что только вздохнули и пошли домой торопливо и безопасно: кончено, молъ,

и надо зажить по прежнему... что-жъ дѣлать?.. Но такихъ было мало.

Молча шли и плакали древніе старики и старухи; хмурились суровые, хозяйственные мужики; ревѣли въ безсознательномъ страхѣ дѣти, которыхъ тащили за маленькія руки отцы и матери; громко кричали молодые бабы и дивчата.

Вотъ онѣ двѣ спускаются подъ гору, по бѣлой каменистой дорогѣ. Одна, крѣпкая, невысокая, хмуритъ брови и разсѣяннo смотритъ своими черными серьезными глазами куда-то въ даль, по долину. Другая, высокая, худенькая, тихо плачетъ... И онѣ наряжены по праздничному, но ужъ праздникъ кончился, и еще грустнѣе глядѣтъ теперь на этотъ рядъ похоронъ!

И какъ горько плачетъ дѣвушка, прижимая къ глазамъ рукава сорочки! Она почти не идетъ—каждую минуту спотыкаются на камни стройныя ножки въ сафьянныхъ сапогахъ, на которые такъ красиво падаетъ изъ подъ плахты бѣлоснѣжный подолъ рубашки.

— Зинька, слухай же!..—говоритъ ей подруга быстрымъ, умоляющимъ шепотомъ, сдерживая подступающія слезы,—хай ему чортъ, чого ты такъ плачешь?..

А ужъ какое тамъ «хай ему чортъ»! У самой сжимается сердце отъ боли; она никого не провожала—ни семьи, ни милаго, но и она крѣпко двигаетъ черныя брови, чтобы не расплакаться; сердце ея тоскуетъ тою непонятною грустью, которую испытываешь въ молодости при отлетѣ птицъ въ тихія, ясныя, но грустныя зори.

— Та слухай!..—повторяетъ она.

— Отчепись!—почти вскрикиваетъ Зинька злобно. Но плечи ея вздрагиваютъ и сквозь слезы она представляетъ совсѣмъ по дѣтски:

— Охъ, хоба-жъ я чаяла!

Развѣ она чаяла, что скоро, какъ въ могилу, проводить Юхыма, проводить, чтобы уже никогда больше не видать его въ жизни? Какъ звонко и съ какой неудержимой, дѣтской радостью пѣла она до глубокой ночи, бѣгая съ рѣки и на рѣку съ ведрами для огорода, когда отецъ Юхыма твердо сказалъ, что не пойдетъ на новыя мѣста! А потомъ...

— Прокинулись сю нічь,—говорилъ Юхымъ, потерянно и блѣднѣя,—прокинулись воны, Зинька, та й кажутъ: «Идемо на переселеніе»!—«Якъ же такъ, тату, вы жъ казали»...—«Ні, кажутъ, я сонъ бачивъ»...

И сонъ все погубилъ—всѣ молодые мечты и надежды!

Сонъ-ли только?

III.

Вонъ онъ стоитъ на горѣ, около мельницъ, въ толпѣ стариковъ старый Василь Шкутъ. Онъ высокъ, широкоплечъ и сутулъ. Отъ всей фигуры его еще вѣетъ прежней степной мощью, но какое у него кроткое и грустное лицо! Ему вотъ—вотъ собираться въ могилу, а онъ уже никогда больше не услышитъ родного слова и помретъ въ чужой хатѣ, одинокій на старости, и некому будетъ ему глаза закрыть. Передъ смертью оторвало его отъ семьи, отъ дѣтей

и внучать это переселеніе. Онъ бы дошелъ, онъ еще крѣпокъ, но гдѣ же взять эти 70 рублей, которыхъ не хватило для разрѣшенія идти на новыя земли?

Старики, разсѣянно переговариваясь, каждый съ своей думой, стоятъ на горѣ. Они все глядятъ въ ту сторону, куда отбыли земляки, на дорогу, гдѣ скрылся обозъ.

Уже давно не стало видно и послѣдней телѣги. Опустила и степь.

Но какая это чудная степь! Даже въ этотъ вечеръ весело въ ней! Весело и кротко распѣваютъ, сыплютъ трели жаворонки. Мирно и спокойно догораетъ ясный день. Привольно зеленѣютъ кругомъ хлѣба и травы, далеко-далеко темнѣютъ курганы; а за курганами необъятнымъ полукругомъ простерся горизонтъ и между землей и небомъ охватываетъ степи полоса голубоватой воздушной бездны, какъ полоса далекаго моря.

— Що воно таке, сей Уссурійскій край?—думаютъ старики, прикрывая глаза отъ солнца, и напругаютъ воображеніе представить себѣ эту сказочную страну на концѣ свѣта и то громадное пространство, что залегаетъ между ней и «Великимъ Перевозомъ».

— Чи далеко одѣхали? — соображаютъ другіе и представляютъ себѣ, какъ это медленно тянется длинный обозъ, нагруженный добромъ, бабами и дѣтьми, медленно скрипятъ колеса, бѣгутъ собаки и шагаютъ за обозомъ по мягкой пыльной дорогѣ, пригрѣтой догорающимъ солнцемъ, «дядьки» въ широкихъ шароварахъ.

Небось и они все глядятъ въ эту загадочную, голубоватую даль:

— Що воно таке и де вінъ, Уссурійскій край?

А старый Шкутъ, опершись на палку, надвинувъ на лобъ шапку, представляетъ себѣ среди этихъ воевъ возъ сына и въ какомъ-то умиленіи, съ покорной улыбкой, отъ которой выступаютъ слезы, бормочетъ все про то же:

— Я ему усе, усе давъ... І пилу, і фуганокъ... І якъ хату строить вінъ теперь знае... Не пропаде!..

— Богато людей загинуло!—говорятъ, не слушая его, другіе.—Богато, багато!..

IV.

Ахъ, что за странный это вечеръ!..

Какая-то новая, непонятная тишина стоитъ на селѣ въ эти сумерки.

Теплые южные сумерки неясной дымкой смягчаютъ вечернюю синеву глубокой долины; они медленно окутываютъ тѣнями эту огромную картину широкой низменности съ темными кущами прибрежныхъ рощъ, съ тускло блестящими изгибами рѣчки, съ одинокими тополями, что чернѣютъ, выдѣляясь колоннами, надъ долиной. Старинный «Великій Перевозъ» сѣрѣетъ своими скученными хатами въ котловинѣ у подошвы каменистой горы. Смутно, какъ полосы спѣлыхъ ржей, желтѣютъ за рѣкою пески. За песками опять, уже совсѣмъ неясно, темнѣютъ лѣса. И даль становится дымчато-лиловой и сливается съ сумеречными небесами.

Все какъ всегда бывало въ этой мирной долигѣ въ лѣтніе сумерки...

Но нѣтъ, не все! Много-много хатъ стоитъ темными, забитыми и нѣмыми...

Уже почти всѣ разбрелись по домамъ. Пустѣетъ дорога...

Медленно бредетъ по ней нѣсколько человѣкъ, провожавшихъ переселенцевъ до ближняго перекрестка.

Они чувствуютъ ту внезапную пустоту въ сердцѣ и непонятную тишину вокругъ себя, которая всегда охватываетъ человѣка послѣ тревоги проводовъ, при возвращеніи въ опустѣвшій домъ. Спускаясь подъ гору, они глядятъ на село другими глазами, чѣмъ прежде—какъ послѣ долгой отлучки...

Вотъ неясно разстилается пахучій дымокъ надъ чьей-то хатой... покойно и по будничному...

Къ чему онъ? Онъ не идетъ къ общему настроенію.

Вотъ красной звѣздочкой, среди темныхъ садовъ, среди скученныхъ дворовъ, загорѣлся огонекъ на селѣ...

И онъ не идетъ,—не надо огоньковъ въ этотъ грустный вечеръ!..

V.

На горѣ, близъ дороги, стоятъ одни темные и глухіе вѣтряки съ неподвижно распростертыми крыльями. Старики разошлись.

Молча пошелъ подъ гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческаго тихаго горя, осиротѣвшій Василь Шкутъ. Медленно отложилъ онъ калитку

плетня, медленно прошелъ черезъ дворикъ и скрылся въ хатѣ.

Хата родная. Но Шкутъ больше въ ней не хозяинъ. Ее купили чужіе люди и позволили ему только «дожить» въ ней. Должно быть, это надо сдѣлать поскорѣе...

Въ теплому и душному мракѣ хаты выжидательно трюкаетъ сверчокъ изъ-за печки... Словно прислушивается... Сонныя мухи гудятъ по потолку... Старикъ, опершись обѣими руками на лавку, согнувшись, сидитъ одинъ-одинашенекъ въ темнотѣ и безмолвіи.

Что-то онъ теперь думаетъ? Можетъ быть, про то, какъ гдѣ-то тамъ, по смутно бѣлѣющей дорогѣ тихо поскрипываетъ обозъ?

— Э, да что про это думать!

— Что же дѣлать? Заснуть? Да развѣ заснешь теперь скоро? А что дѣлать завтра, послѣ-завтра?..

На блѣдно-свинцовомъ фонѣ маленькаго окошечка, выходящаго въ садъ, чернѣютъ силуэты двухъ-трехъ покосившихся намогильныхъ крестовъ. Въ саду, возлѣ хаты, давнымъ-давно почиваютъ вѣчнымъ сномъ почти всѣ его родные... Онъ остался съ ними. Надо поскорѣе къ нимъ, въ ихъ «домовину», въ дубовую «труну». Теперь пора, пора на покой, на вѣчный безмятежный отдыхъ!

А пока долга будетъ эта одинокая ночь!

VI.

Звонкій дѣвическій голосъ звенитъ слезами и замираетъ надъ селомъ, за рѣкою:

Ой, зійди, зійди,
Ясенъ місяцю!

плачетъ грустная пѣсня, обрывается и замолкаетъ надолго-надолго.

Ночь давно наступила. И вотъ въ тишинѣ приближается та роковая въ каждомъ горѣ минута, когда послѣ слезъ, послѣ перваго потрясенія, затихаетъ на мгновеніе сердце и вдругъ съ новой, поразительной силой и ясностью сознаетъ свою потерю, свое утраченное счастье и безумно рвется къ нему, и страшно дѣлается человѣку за самого себя.

И въ разлукѣ — что мучительнѣе и больнѣе той минуты, когда вдругъ ясно сознаешь, что разлука эта непоправима и что жизнь бы отдалъ за то только, чтобъ хоть еще разъ увидать, чудомъ увидать возлѣ себя близкаго человѣка!...

Ой, зійди, зійди,
Ясенъ місяцю!

снова раздается звонкая-звонкая пѣсня, надрывая душу своею безконечной, призывною грустью...

Но кругомъ глубокое молчаніе. Южное ночное небо въ крупныхъ жемчужныхъ звѣздахъ. Темный силуэтъ неподвижнаго тополя рисуется на фонѣ ночного неба. Подъ нимъ чернѣетъ крыша, бѣлѣютъ стѣны хаты. Звѣзды сіяютъ сквозь листья и вѣтви...

VII.

А они еще недалеко.

Они ночуютъ въ степи, подъ роднымъ небомъ, но имъ уже кажется, что они за тысячи верстъ отъ

всего дорогого и родного. И въ тоже время — близко.

Это послѣдняя ночь на степи!

Какъ цыганскій таборъ, расположились они у дороги. Распрягли лошадей, сварили ужинъ; то вели безпокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились другъ отъ друга...

Наконецъ, таборъ совсѣмъ затихъ.

Въ звѣздномъ свѣтѣ темнѣли безпорядочно сученные вozy, виднѣлись фигуры лежащихъ людей и наклоненныхъ къ травѣ лошадей. Сторожевые, поставленные на ночь, съ кнутами въ рукахъ, сонно ежились возлѣ телѣгъ, зѣвали и съ тоскою глядѣли въ темную степь...

Но съ какой радостью встрепенулись они, когда услышали скрипъ проѣзжей телѣги! Землякъ!.. Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались много-много лѣтъ.

Разбуженные говоромъ, подымались съ земли и другіе, и, застѣнчиво скрывая свою дѣтскую радость, тоже толпились у телѣги проѣзжаго, начинали разспросы, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самаго свѣта.

Потомъ опять все затихло.

Взволнованные встрѣчей, засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали объ одномъ, о далекой неизвѣстной странѣ на краю свѣта, о дорогахъ и большихъ рѣкахъ въ пути, о покинутомъ селѣ. И казалось, что ихъ сердца незримо звучатъ въ ладъ съ сердцемъ cadaго, кто остался въ се-

лѣ, трепещеть одной грустью и одними желаніями, братской близостью и братскимъ горемъ...

Холоднѣло.

Глубокая ночь царила надъ степью. Все спало крѣпкимъ сномъ—и люди, и дороги, и межи, и росистые, наклонившіеся хлѣба.

Съ отдаленнаго хутора чуть слышно донесся крикъ пѣтуха. Серпъ мѣсяца, мутно-красный и поникшій на одну сторону, показался на краю неба. Онъ почти не свѣтилъ. Только небо около него приняло зеленоватый оттѣнокъ, почернѣла степь отъ горизонта, да на горизонтѣ показалось что-то темное. Это были курганы. И только звѣзды и курганы слушали эту мертвую тишину на степи и дыханіе людей, позабывшихъ во снѣ свое горе и далекія дороги.

Но что имъ, этимъ вѣковымъ молчаливымъ курганамъ, до горя или радости какихъ-то существъ, которыя проживуть мгновеніе и уступятъ мѣсто другимъ такимъ-же снова волноваться и радоваться и также безслѣдно исчезнуть съ лица земли? Много ночевавшихъ въ степи обозовъ и становъ, много людей, много горя и радостей видѣли эти курганы. Для нихъ все это слишкомъ ничтожно и незначительно!

Однѣ звѣзды мерцаютъ, можетъ быть, не безстрастно. Онѣ, должно быть, знаютъ, какъ свято человѣческое горе!..

КАСТРЮКЪ.

I.

Внезапно выскочивъ изъ-за крайней избы, съ левой дороги, во всю прыть маленькихъ лошадокъ, летѣли по деревенской улицѣ барчуки изъ Залѣснаго. Подпрыгивая и хватаясь за холки, они гнались на перегонки и вѣтеръ пузырями надувалъ на ихъ спинахъ ситцевыя рубашки. Теленокъ съ ревомъ шарахнулся отъ нихъ въ сѣнцы, куры и впереди нихъ пѣтухъ, присѣдая къ землѣ, неслись куда глаза глядятъ. Но отчаяннѣе всѣхъ улелетывала по деревенской улицѣ маленькая, бѣлоголовая дѣвочка въ одной рубашенкѣ. Обезумѣвъ отъ страха, она вскочила на огороды, нѣсколько разъ съ размаху упала по дорогѣ и вдругъ увидала въ воротахъ риги дѣдушку. Съ звонкимъ крикомъ бросилась она въ его колѣни.

— Что ты, что ты, дурочка?—закричалъ и дѣдъ, ловя ее за рубашку.

— Барчуки... на жеребцахъ!..—захлебываясь отъ слезъ, едва могла выговорить внучка.

Дѣдъ усадилъ ее на колѣни, началъ уговаривать... Внучка скоро затихла и, изрѣдка всхлипывая, оби-

женнымъ, вздрагивающимъ голосомъ начала рассказывать, какъ было дѣло.

Поглаживая ее по головѣ, дѣдъ задумчиво улыбался.

Въ ригѣ было прохладно и уютно. Въ мягкую темноту ея изъ глубины яснаго весенняго неба влетали ласточки и съ чиликаньемъ садились на переметы и на сани, сложенные другъ на друга въ уголъ риги. Все было ясно и мирно кругомъ—и на деревнѣ, и въ далекихъ зазеленѣвшихъ поляхъ. Утреннее солнце мягко пригрѣло землю и по весеннему дрожало въдали тонкій паръ отъ нея. Тамъ, въ поляхъ, подымалась пашня и блестящіе черные грачи перелетали около сохъ. Здѣсь, на деревнѣ, въ холодкѣ избѣ, только дѣвочки тоненькими голосками напѣвали пѣсни, сидя на травѣ за коклюшками. Кромѣ ребятишекъ и стариковъ, всѣ были въ полѣ—даже всѣ Орелки, Буянки и Шарикки.

Дѣдъ сегодня первый разъ за всю жизнь остался дома на стариковскомъ положеніи. Старуха померла мясоѣдомъ. Самъ онъ пролежалъ всю раннюю весну и не видалъ даже, какъ деревня уѣхала на первыя полевые работы. Къ концу Ооминой онъ сталъ выходить, но еще и теперь не поправился какъ слѣдуетъ. И послѣдствіемъ всего этого было то, что сегодня всѣми обстоятельствами деревенской жизни онъ принужденъ былъ проводить самое веселое, погожее и дорогое для работы утро дома.

— Ну, Кастрюкъ (дѣда всѣ такъ звали на деревнѣ, потому что, выпивши, онъ любилъ пѣть про Кастрюка старинныя веселыя прибаутки),—ну, Ка-

стриюкъ,—говорилъ ему на зарѣ сынъ, выравнивая гужи на сохѣ, между тѣмъ какъ его баба зашпиливала веретѣе на возу съ картошками,—не тужи тутъ, поглядывай обаполъ дому да за Дашкой-то... Кабы ее телушка не забрухала; вчера, если бы дѣвки не отбили, закатала бы до смерти.

Старикъ, безъ шапки и засунувъ руки въ рукава полушубка, стоялъ около него и старался отшучиваться.

— Кому Кастрюкъ—тебѣ дяденька,—говорилъ онъ съ разсѣянной улыбкой.

Сынъ, не слушая, затягивалъ зубами веревку и продолжалъ дѣловымъ тономъ, но въ душѣ искренно жалѣя старика:

— Твое дѣло, братъ, теперь стариковское. Да и горевать-то почестъ непочемъ: оно только съ виду сладко хрипѣть-то гнуть.

— Да ужъ чего лучше!—отвѣчалъ старикъ машинально.

Онъ старался «не думать» и, когда сынъ уѣхалъ, сходилъ зачѣмъ-то въ пуньку, потомъ передвинулъ въ тѣнь водовозку—все искалъ себѣ дѣла. То онъ бережливо, согнувъ старую спину, сметалъ муку въ закромѣ, то тамъ, то здѣсь тюкалъ топоромъ, но все не могъ разсѣять грустнаго, неотвязнаго чувства.

Двѣ старухи сосѣдки и то замѣтили это.

— Жалкуеть старикъ-то,—сказала одна.

— Жалкуеть, дѣушка,—подтвердила и другая.

Въ ригѣ старикъ сѣлъ и пристально и долго чистилъ трубку мѣдной «копаушкой». Иногда онъ раздражался.

— Долго-ли пролежалъ, — бормоталъ онъ, — глядь, ужъ вездѣ безпорядокъ. А умри — и все прахомъ пойдетъ...

Иногда старался подбодрить себя... «небось!» говорилъ онъ кому-то съ задоромъ и значительно; иногда морщилъ брови, крѣпко подергивалъ плечами и съ ожесточеніемъ выговаривалъ: «эхъ, мать твою не замать, отца твоего не трогать! Былъ конь да уѣздилися... Но чаще всего опускалъ голову и задумывался. Грустное раздумье овладѣвало имъ.

Затягивая пѣсню, онъ не кончалъ ее, потому что отъ нея еще больше начинало занывать сердце.

Закипѣли въ колодезяхъ воды,
Заболѣло во молодца сердце...

мурлыкалъ онъ, и ему вспоминалось что-то хорошее, прежнее, и становилось еще досаднѣе...

А веселія, слышанныя еще отъ дѣдовъ, «величальныя», дворовыя пѣсни въ родѣ:

Прикажи, сударь, карету заложить...

какъ-то не шли къ его настроенію и онъ обрывалъ ихъ съ горькой улыбкой. — Ровно пьяный! — бормоталъ онъ

И опять мысли тянулись къ прежнему, когда онъ былъ самъ хозяиномъ, работникомъ, молодымъ и выносливымъ... Глядя внучку по головѣ, онъ съ любовью перебиралъ далекія воспоминанія, что въ такой-то годъ, въ эту пору, онъ сѣялъ и съ кѣмъ выходилъ въ поле и какая была у него тогда кобыла...

Внучка успокоилась и шопотомъ предложила пойти наломать вѣничковъ, про которые мать уже давно толковала. Старикъ обрадовался хоть какому-нибудь

развлеченію, легкомысленно забылъ про пустую избу и, взявъ за руку внучку, повелъ ее за деревню. Идя по мягкой, давнымъ-давно неѣзженной полевой дорогѣ, они незамѣтно отошли отъ деревни съ версту и принялись ломать полынь.

Вдругъ Дашка встрепенулась и рванулась впередъ.

— Дѣдушка! глянь-ка! — заговорила она и быстро и нараспѣвъ, — глянь-ка! Ахъ, ма-а-тушки!

Старикъ глянулъ и увидалъ бѣгушій вдали поѣздъ. Онъ торопливо подхватилъ внучку на руки и вынесъ ее на бугорокъ, между тѣмъ какъ она тянулася у него съ рукъ и радостно твердила:

— Дѣдушка! Глянь-ка! Рысью, рысью!

Поѣздъ разростался и подъ уклономъ работалъ все быстрѣе и быстрѣе, весь блестя на солнцѣ. Долго и напряженно глядѣла Дашка на бѣгушіе вагоны.

— Должно, къ завтраму пріѣдетъ, — сказала она въ глубокомъ раздумьи.

Сверкая цилиндрами и мелькающимъ поршнемъ, поѣздъ тяжелымъ взмахомъ урагана пронесся мимо, завернулъ къ югу и, мелькнувъ заднимъ вагономъ, дрожащей точкой сталъ сокращаться и пропадать вдали.

— Видѣла? — спросилъ дѣдъ.

— Видѣла... нѣтути больше.

— Хороша?

— Неужли-жъ нѣтъ!.. ужъ такая-то хорошая... — лепетала Дашка про себя; — мать-то сказывала она безъ лошади, а я себѣ на умѣ: ахъ, она съ лошадыю!.. думается, какъ все равно оглобли привязаны...

— Да куда-жъ они привязаны-то?

— Да за машину-то... она, должно, кирпичная. Долго на рукахъ съ нею стоялъ дѣдъ и глядѣлъ кругомъ.

Все опять стало въ полѣ тихо и безмятежно. Жаворонки заливались въ теплое ясное воздухѣ... Весело и важно кагакали грачи... Мирно зацвѣтали цвѣты въ травѣ около линіи... Спутанный меренокъ, пофыркивая, мирно щипалъ подорожникъ, и дѣдъ чувствовалъ, какъ даже мерину хорошо и привольно теперь, на весеннемъ корму, въ ясное, тихое утро.

Но вдругъ дѣдъ оживился.

— Здорово, сударушка, — закричалъ онъ, завидѣвъ идущаго по рельсамъ сторожа-солдата. — «Здравія желаю, ваше благородіе!» — прибавилъ онъ, чтобы поддѣлаться къ солдату и поболтать немного.

— Здравствуйте, — сказалъ солдатъ сухо, не вынимая изо рта трубки.

— Иди, сударушка, покуримъ, — продолжалъ дѣдъ, — поговорь съ Кастрюкомъ. Я, братъ, нонѣ тоже замѣстъ часового приставленъ.

— Я путь долженъ обревизовать къ прибытію втораго номера, — отвѣтилъ сторожъ, и, наклонившись, ткнулъ по рельсѣ и пошелъ дальше.

Дѣду стало неловко.

Онъ застѣнчиво улыбнулся и крикнулъ солдату въ догонку, почесывая спину:

— А то погодилъ бы!..

Солдатъ не обернулся.

По дорогѣ назадъ дѣдъ поболталъ съ пастухами и полюбовался на стадо.

— Дюже хороши нонѣ корма будутъ! — сказалъ онъ.

— Хороши, — отвѣтилъ подпасокъ и вдругъ съ крикомъ: азадъ! азадъ, смертныя! — бросился за свиньями.

Стадо привольно разбрелось по пару. Жеманно и въ разные тона, тонкими голосками перекликались ягнята. Одинъ изъ нихъ, упавъ на колѣни, засовалъ мордочкой подъ пахъ матери и такъ торопливо, дрожа хвостикомъ и подталкивая ее носкомъ, сталъ сосать, что дѣдъ засмѣялся отъ удовольствія...

II.

Поспѣшно подходя къ своей избѣ, старикъ увидалъ, что по выгону, прямо къ ней, ѣдетъ молодой баринъ изъ Залѣснаго. Старикъ бросился отгонять подъ гору молодую кобылу, потому что, увидавъ ее, вороной барскій жеребецъ заигралъ и заплясалъ весь.

Сдерживая его и сгибая подъ своею тяжестью дрожки, баринъ вѣхалъ въ тѣнь избы и остановился. Старикъ почтительно стоялъ у порога.

— Здравствуй, Кастрюкъ, — сказалъ баринъ ласково и, отирая красное лицо съ рыжей бородой, досталъ папиросы.

— Жарко! — прибавилъ онъ и протянулъ папироску и дѣду.

— Не привычны, Миколай Петровичъ, — захихикалъ тотъ. — Трубочку вотъ... а то шкаликъ-другой красенькаго — это мы, старики, любимъ!

— А я было къ вамъ по дѣльцу, — началъ Николай Петровичъ, отдуваясь. — Ыздилъ повѣщать на Ма-

жаровку... надѣвай шапку-то, Семень!.. да вотъ, кстати, и къ вамъ. Дѣвокъ своихъ, не пошлете-ли ко мнѣ?

— Аль еще не сажали?—спросилъ дѣдъ участливо.

— Запоздали нынче... не я одинъ.

— Запоздали, Миколай Петровичъ, запоздали...

— Да... такъ вотъ... — продолжалъ баринъ и вдругъ такъ зычно крикнулъ на жеребца: «балуй!», что дѣдъ со всѣхъ ногъ бросился держать вороного за недоуздокъ.

— Немножко-то посадилъ, — опять началъ Николай Петровичъ спокойно, — да хочу поскорѣй управиться. Дѣвчонокъ-то своихъ и турили бы ко мнѣ.

— Разя одинъ совладаешь, Миколай Петровичъ?

— Да ты скажи своимъ-то... а?

— Солдатка-то дома, что-ль?—спросилъ дѣдъ дѣловымъ тономъ у подошедшей старухи и, получивъ отрицательный отвѣтъ, замаялся.

— Кабы солдатка была, она бы збила, — сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь. — А я, сударушка, дома нонѣ сижу... Мнѣ и отойтить нельзя... Кабы прежнее мое дѣло, покоситься тамъ али подъ паринку взодрать — я бы единымъ духомъ...

— Жалко, — сказалъ баринъ задумчиво. — Видно, вечеркомъ заверну, — прибавилъ онъ и взялся за возжи.

Чтобы какъ-нибудь задержать его и повинуюсь какому-то горькому внутреннему голосу, старикъ вдругъ сказалъ:

— Ты вотъ, сударушка, найми меня въ работники... вотъ бы дѣло!

— Что-жъ, нанимайся, — сказалъ баринъ разсѣянно и улыбаясь, потому что зналъ, что дѣдъ это такъ, чтобы потѣшить себя.

— А когда заступать?

Баринъ пристально поглядѣлъ на него и качнулъ головою.

— Заступать когда?.. Эка ты — шустрый какой!

Старикъ оживился еще болѣе.

— Я-то, сударушка? Да я ихъ всѣхъ, молоденькихъ, за поясъ заткну! Я еще жениться хочу! (Это была обычная шутка дѣда). Да на свадьбѣ еще плясать буду. Знаешь, какъ зачну выхаживать...

— Да ужъ ты! — перебилъ баринъ, усмѣхаясь, ударилъ возжей жеребца и покатылъ по выгону.

Дѣдъ постоялъ, подумалъ...

Все говорило ему, что онъ теперь отжившій человекъ. Такъ только, для дому нуженъ, пока еще ноги ходятъ. И разговаривать съ нимъ не хотятъ въ серьезъ. «Ишь покатылъ!» подумалъ онъ съ сердцемъ, глядя вслѣдъ убѣгающимъ дрожкамъ, махнулъ рукой и пошелъ вынимать изъ печки похлебку.

Пообѣдавъ, внучка съ двумя старостиными ребятами ушла въ лужокъ за баранчиками. Всѣ они такъ жалобно просились пустить ихъ, что дѣдъ не могъ устоять и самъ проводилъ ихъ за деревню.

— Не найдете, ребята, — говорилъ онъ имъ; — развѣ снытку только...

— Ну, мы снытки плинесемъ, — возражалъ на это старшій старостинъ сынишка.

Въ избѣ дѣдъ отъ нечего дѣлать снова принялся

за обѣдъ. Онъ натеръ себѣ картошекъ, налилъ въ нихъ немного молока (онъ боялся, что и за это-то сноха будетъ ругаться) и долго ѣлъ это мѣсиво.

Въ пустой избѣ стоялъ горячій, спертый воздухъ. Солнце сквозь маленькія, склеенныя изъ кусочковъ, мутныя стекла, било жаркими лучами на покоробленную доску стола, которую, вмѣстѣ съ крошками хлѣба и большой ложкой, чернымъ роємъ облѣпили мухи.

Вдругъ дѣдъ почти съ радостью вспомнилъ, что есть еще дѣло — достать изъ подъ крыши пачку листовой махорки, раскрошить ее и набить трубку. Влѣзая въ сѣнцахъ по каменной стѣнѣ подъ застрѣху, онъ едва не сорвался — голова у него закружилась, въ спинѣ заломило... Онъ опять съ горечью подумалъ о своей старости и, уже лѣнливо дотащившись до порога избы, на который еще падала тѣнь отъ пуньки, медленно занялся дѣломъ...

Въ полдень деревня вся точно вымерла. Тишина весенняго знойнаго дня словно очаровала ее...

Старухи-сосѣдки долго «искались» подъ старой лозинкой на выгонѣ, потомъ легли, накрыли головы занавѣсками и заснули. Самые маленькіе ребятишки хлопотливо, но тихо лѣпили изъ глины ульи, собравшись въ размытомъ спускѣ около пруда... Изрѣдка мычалъ теленокъ, привязанный за колъ около спящихъ бабъ... Изрѣдка доносился крикъ пѣтуха и еще болѣе нагонялъ на деревню тихую дрему...

А въ поляхъ по прежнему заливались жаворонки, зеленѣли всходы и по горизонтамъ, какъ расплавленное стекло, дрожалъ и струился паръ.

Старикъ легъ около пуньки и старался заснуть. Для этого онъ старался представить себѣ, какъ шумить лѣсъ и ходить волнами рожь на буграхъ по вѣтру и шуршить и переливается, и слегка покачивался самъ.

Но, противъ обыкновенія, сонъ не приходилъ.

Лежа съ закрытыми глазами, онъ все думалъ о своей старости.

Теперь, небось, Андрей крѣпко спитъ подъ телѣгою. Дѣду же, можетъ быть, до самой смерти не придется больше заснуть въ полѣ. Въ рабочую пору онъ будетъ проводить долгіе, долгіе, знойные дни наединѣ съ внучкою... А вѣдь было время — лучше его не косилъ никто во всей округѣ. Бывало, когда всей деревней косили у барина, онъ всѣхъ велъ за собою. Да никто не могъ и выпить больше его, когда, вернувшись гурьбой съ поля на господскій дворъ, мужики усаживались около амбара за ведромъ водки и начиналась «Веселая бесѣдушка»...

Никогда, однако, не пропивалъ онъ ума и разума. Все у него было всегда въ порядкѣ: и изба каждую осень крылась новой соломой, и кобыла была всегда въ тѣлѣ («печка! — говорили мужики, — хоть спать ложись на спинѣ!») и свадьбу сына онъ справилъ всѣмъ на удивленіе. Вся деревня собралась смотрѣть, когда на первый, послѣ княжого пира, престольный праздникъ Андрей поѣхалъ къ тестю. Рядомъ съ своей разряженной бабой сѣлъ онъ въ новыя «козырьки», покрытыя цвѣтной попоной, выставилъ за грядку одну ногу въ валенкѣ и покатилъ по выгону..

Дѣдъ надѣялся тогда, что подъ старость у него

будетъ самая настоящая въ деревнѣ семья, что никому не позволитъ онъ ссориться и заводить дѣлежи...

— Пирогѣ ситные въ обмочку, думалъ, буду ѣсть,— пробормоталъ старикъ.

Анъ все вышло не по гаданному.

Младшій сынъ отдѣлился, а старшій хотя и остался съ нимъ, да немного вышло изъ того проку... Главное же—старуха всѣхъ подрѣзала. Умерла въ самое плохое голодное время. Да ослабѣли и его ноженьки, и придется ему до смерти сидѣть съ ребятишками вродѣ караульщика.

— Ишь ровесникъ-то мой,—подумалъ старикъ съ озлобленіемъ,—Салтанъ-то—и то убѣгъ со двора!

И чего онъ, дѣдъ, маялся на свѣтѣ и на что надѣялся—Богъ его знаетъ!

— Ни почету не дождался,—думалъ старикъ, вспоминая сына, посадившаго его караульщикомъ,—ни богачества—ничего! И помрешь вотъ-вотъ и ни одинъ кобель по тебѣ не вззоетъ!

Старикъ чувствовалъ, что онъ не правъ въ своихъ сѣтованіяхъ, но не могъ побороть раздраженія и безпокойно ворочался съ боку на бокъ и съ сердцемъ отгонялъ назойливыхъ мухъ.

Все скучнѣе и скучнѣе становилось ему...

Вдругъ вдали задрезжала телѣга. Стоя въ ней на колѣняхъ, мужикъ усердно наваривалъ свою кобыленку веревочными возжами.

Дѣдъ вскочилъ и замахалъ рукой.

Мужикъ дернулъ за возжи и даже назадъ отвалился и на ноги сѣлъ.

— Куда-й-то, сударушка?

— Тпру... тпру, домовою тебя разударь!.. А что?

— Да такъ. Молъ, куда это разскакался дядя Максимъ?

— Въ тае... въ Чичерину.

— Ай къ земскому?

— Къ нему къ самому. Поспѣшаю, прощевай покудова!..

Дѣдъ махнулъ рукой...

III.

Дологъ этотъ день показался ему!

Дашка воротилась изъ лужка и присоединилась къ ребятамъ, игравшимъ въ спускъ.

— Ай ужъ и мнѣ потить къ нимъ свистульки лѣпить?—думалъ дѣдъ съ горькой улыбкой и, наконецъ, не выдержалъ.

— Посмотри, сударушка, за избой, —сказалъ онъ старухѣ сосѣдкѣ, которая около пуньки медленно скатывала холсты.

— Ай соскучился?—спросила та жалобно.

— Соскучился, сударушка! И какъ только это вы, бабы, дома сидите!..

— А ты на-долго, небось?

— Нѣтъ, я сейчасъ, въ одну минутую...

До заката было еще далеко. Но Андрей долженъ былъ, по расчетамъ дѣда, управиться раньше вечера. Онъ поглядывалъ на солнце и рѣшалъ, что осминникъ картохъ надо досадить именно къ этой порѣ.

На выгонѣ онъ встрѣтилъ возвращавшагося съ поля Глѣбочку. Глѣбочка, высокій, худощавый му-

жикъ съ веснушками на блѣдномъ лицѣ и съ опухшими красными вѣками, въ старомъ полушубкѣ, изъ лохматыхъ дыръ котораго виднѣлась бѣлая рубаха, меланхолично покачивался, сидя бокомъ на спинѣ лошади, между тѣмъ какъ перевернутая соха тащилась сзади, дребезжа палицей о подвой.

— Ай, сударушка, разохи-то пропиль?—пошутилъ Кастрюкъ.

— Пропиль,—съ блѣдной улыбкой отвѣтилъ Глѣбочка.

— А мой скоро?

— Должно ѣдутъ.

— Гдѣ-жъ дѣвки-то твои?

— Дѣвти вмѣстѣ придутъ, — отвѣтилъ Глѣбочка, какъ многіе мужики не выговаривая буквы «к».

— Вѣдь вотъ,—думалъ дѣдъ, выходя за деревню и отчасти завидуя даже Глѣбочкѣ,—на моихъ глазахъ человѣкомъ сталъ. Совсѣмъ прежде блажной малый былъ, свиныхъ полдѣнъ не зналъ!..

На валу, подъ молодыми лозинками, старикъ сѣлъ и, шурясь отъ низкаго солнца, глядѣлъ въ даль, по дорогѣ.

Тишина кроткаго весенняго вечера стояла въ полѣ. На востокѣ чуть вырисовывалась гряда неподвижныхъ, нѣжно-розовыхъ облаковъ. Къ закату собирались длинныя перистыя ткани тучекъ... Когда же солнце слегка задернулось одной изъ нихъ, въ полѣ, надъ широкой равниной, влажно зеленѣющей всходами и пестрѣющей паромъ, стало еще безмятежнѣе и лучше. Безмятежнѣе и еще чище, чѣмъ днемъ, заливались жаворонки. Съ паровъ пахло весенней

свѣжестью, зацвѣтающими травами, сладкимъ ароматомъ желтаго донника... Всѣ волненія старика убаюкивались этимъ ароматомъ, этимъ кроткимъ вечернимъ свѣтомъ. Онъ закрывалъ глаза, прислушивался къ жаворонкамъ...

— Эхъ, кабы черезъ недѣлку дождичка,—думалъ онъ;—то-то бы ржи-то поперли!.. Эхъ, хороши ржи допрежъ бывали! Обломныя, ужъ не проползетъ!

Но вспоминая, что завтра ему предстоитъ стариковскій день, старикъ морщился, начиная придумывать, какъ бы ему избавиться отъ него. Но избавиться было невозможно. Онъ досадливо качалъ головою; скребъ рукой спину, облеченную въ длинную стариковскую рубаху... и, наконецъ, пришелъ къ счастливой мысли, нашелъ утѣшеніе!..

— Ну, прикончилъ?—говорилъ онъ черезъ полчаса немного заискивающимъ тономъ, шагая рядомъ съ сыномъ и держась за оглоблю сохи.

— Кончить-то кончилъ,—отвѣчалъ Андрей ласково,—а ты-то какъ? Небось соскучился?

— И-и, не приведи Богъ!—воскликнулъ старикъ отъ всего сердца.—Сослужилъ, братъ, службу... не хуже злобинскаго солдата стараго, что на капустѣ сидитъ!

И смѣясь, и желая не придавать своимъ словамъ просящаго выраженія, старикъ робко попросился въ ночное.

— Съ ребятами... а?—сказалъ онъ, заглядывая сыну въ глаза... Сегодня онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ чувства своей безпомощности и несамостоятельности.

— Что-жъ, ве́ди!—отвѣтилъ Андрей.—Только не забудь на поляхъ кобылу напоить.

Старикъ закашлялся, чтобы скрыть свою радость...

IV.

На закатѣ, послѣ ужина, онъ постлалъ на спину кобылы зипунъ и полущубокъ, взвалился на нее животомъ, сѣлъ и рысцой поѣхалъ за ребятами.

— Эй, погоди старика,—кричалъ онъ имъ въ догонку.

Ребята не слушали. Даже старостинъ сынишка обскакалъ его, растарачивъ босыя ножки на спинѣ кругленькаго и екающаго селезенкой мерина...

Легкая пыль стлалась по дорогѣ. Топотъ небольшого табуна сливался съ веселыми криками и смѣхомъ ребятъ.

— Дѣдъ,—кричали пѣкоторые тоненькими голосами,—давай на обгонки!

Дѣдъ только улыбался, легонько подталкивая лаптами подъ брюхо кобылы.

Въ лощинкѣ, за версту отъ деревни, онъ завернулъ на прудъ.

Отставивъ увязшую въ тину ногу и нервно вздрагивая всей кожей отъ тонко-поющихъ комаровъ, кобыла долго-долго, однообразно сосала воду, и видно было, какъ вода волнообразно шла по ея горлу. Передъ концомъ питья она оторвалась на-время отъ воды, подняла голову и медленно и тупо оглядѣлась кругомъ. Дѣдъ ласково посвисталъ ей... Теплая вода тихо капала съ губъ кобылы, а она не то задумалась, не то залюбовалась на тихую поверхность пруда.

Залюбовался имъ и дѣдъ. Глубоко-глубоко отражались въ прудѣ и берегъ, и вечернее небо, и бѣлыя полосы облаковъ. Плавно качались части этой отраженной картины и сливались въ одну отъ тихо раскатывающагося все шире и шире круга по водѣ...

Потомъ кобыла сдѣлала еще нѣсколько глотковъ, глубоко вздохнула и, съ чмоканьемъ вытащивъ изъ тины одну за другою ноги, вскарабкалась на берегъ и словно проснулась и ожила.

Позвякивая полуоторванной подковой, бодро пошла она по темнѣющей дорогѣ. Старикъ тоже словно проснулся и оживился. Отъ дня у него осталось такое впечатлѣніе, словно онъ пролежалъ его въ болѣзни и теперь выздоровѣлъ. Онъ весело покрикивалъ на кобылу, подталкивая ее лаптемъ и, вдыхая полной грудью свѣжѣющій вечерній воздухъ, снова чувствовалъ себя опредѣленно, бодро и молодо...

— Не забыть бы подкову-то оторвать!—думалъ онъ.

Въ полѣ ребята долго курили «донникъ» и долго спорили, кому въ какой чередъ дежурить.

— Будя ребята спорить-то,—сказалъ, наконецъ, дѣдъ. — Карауль пока ты, Васька, — вѣдь, правда, твой чередъ-то. А вы, ребята, ложитесь. Только смотри, не ложись головой на межу—домовой отдавить!..

А когда лошади спокойно вникли въ кормъ и прекратилась возня улегшихся рядышкомъ ребятъ, смѣхъ и остроты надъ коростелью, которая оттого такъ скрипитъ, что деретъ ногу объ ногу, дѣдъ постлалъ себѣ помягче полущубокъ и зипунъ и съ чистымъ серд-

цемъ, съ искренней довѣрчивостью и благоговѣніемъ
сталъ на колѣни и долго молился на темное, звѣзд-
ное, прекрасное небо, на мерцающій млечный путь—
святую дорогу ко граду Іерусалиму. И благодарно,
и задушевно звучалъ его молитвенный шопотъ.

Наконецъ, и онъ легъ.

Темнота разлилась надъ безбрежной равниной. Въ
свѣжести весенней степной ночи тонули поля. За
ними, за ночнымъ мракомъ, слабо, какъ одинокая
мачта, на слабомъ фонѣ заката маячилъ силуэтъ да-
лекой-далекой мельницы...

Дозволено цензурою 19 декабря 1896 года. С.-Петербургъ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).